

имя в дательном падеже, если речь идет о степени родства, дружбы или других близких отношений между лицами.¹³⁷

Другой пример, взятый Р. Ружичкой из перевода евангелия от Иоанна (гл. IV, ст. 39), показывает своеобразное смысловое расширение, произведенное переводчиком. В греческом мы находим: πολλοὶ ἐπίστευσαν εἰς αὐτὸν τοῦ Σαμαρείτῳ, διὰ τὸν λόγον τῆς γυναῖκος μαρτυροῦσας. Этому соответствует славянское: «Мънози вѣроваша въ него отъ самарѣнь за слово женѣ съвѣдѣтельствоуѣшти».¹³⁸ В данном предложении замена греческого родительного принадлежности (genitivus possessivus) дательным падежом существительного «жена» с действительным причастием в том же падеже создает грамматическую многоплановость перевода. Названный оборот совпадает по своей структуре с «дательным самостоятельным». Поэтому всему данному сочетанию свойственно дополнительное временное и даже причинное значение: самаряне поверили слову женщины, в то время и вместе с тем потому, что она им свидетельствовала.

Наконец, если проследить борьбу между двумя типами отрицания в славянских переводах: оборота с одиночным отрицанием, свойственным греческому языку, и двойным отрицанием, обычным для славянских языков, — то мы заметим, что при явном преобладании второго оборота в древних славяно-русских переводных памятниках (см., например, Остромирово евангелие, от Луки XV, 16, л. 118: «никѣто же не даяше емоу») оборот с одним отрицанием окончательно закрепляется лишь в ученом церковнославянском языке к середине XVII столетия.¹³⁹

Таковы, на наш взгляд, существеннейшие черты языка и синтаксиса тех переводов, которые мы отнесли к первому типу.

Второй тип переводов мы наблюдаем в памятниках, не имевших строго церковного содержания и назначения. Это хроники, повести, нравоучительные изречения и подобные произведения, предназначенные преимущественно для домашнего чтения. Наиболее характерным примером второго типа мы уже называли перевод «Истории» Иосифа Флавия. При выполнении своего труда переводчик ставил себе идеологические и стилистические задачи, коренным образом отличавшиеся от переводимого сочинения. Этот памятник скорее приближается к творческому пересозданию текста, чем к переводам в собственном смысле.

В меньшей степени отклоняющимися от своих подлинников мы считаем такие повествовательные и хроникальные произведения, как Хроника Иоанна Малалы, Хроника Георгия Амартола и другие. К этому же типу отнесем «Александрию», «Повесть об Акире», «Девгеньево деяние» и другие. Но и эти памятники в ряде мест заметно отклоняются от оригиналов в отношении стилистики.

Так, В. Д. Кузьмина отмечает многочисленные примеры употребления переводчиком устойчивых сочетаний, свойственных славянским языкам, в качестве стилистического средства, приближающего язык перевода к произведениям устного народнопоэтического творчества.¹⁴⁰

В то время как в греческом тексте поэмы почти отсутствуют сравнения, русский перевод «Девгеньева деяния» обильно расцвечен ими. Девгений не один раз уподобляется «дюжему соколу»; воинский труд сравнивается

¹³⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 89.

¹³⁸ R. Ružička. Griechische Lehnsyntax..., стр. 145.

¹³⁹ Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3-е. Киев, 1950, стр. 348.

¹⁴⁰ В. Д. Кузьмина. Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгеньева деяния». — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 75—77.